

Глава 2

Двое мужчин, сидевших друг напротив друга, неизбежно привлекали взгляды: один — броский, яркий красавец, другой — утонченный, сдержанно-элегантный интеллигент. Прохожие и посетители то и дело косились в их сторону, мысленно дорисовывая романтические подробности.

Однако атмосфера за этим столиком была далека от романтической. Скорее уж патетически-трагической.

Глядя на опешившего Фан Цзинхэ, Юнь Мэнцзэ сочувственно приподнял брови и мягко, но непреклонно произнёс:

— Ты замечательный, невероятно успешный мужчина. Любой счёл бы за честь быть с тобой рядом. Но я совершенно не подхожу для романтических отношений. Сейчас всё моё внимание сосредоточено исключительно на карьере.

Столь стремительный отворот-поворот застал Фан Цзинхэ врасплох. Он только и смог выдавить:

— Но...

Юнь Мэнцзэ не дал ему опомниться:

— Уверен, ты непременно встретишь того, кто подходит тебе куда больше.

Фан Цзинхэ порывался возразить, но в его голове бесстрастно звякнуло системное уведомление: симпатия цели рухнула до отметки тринадцать — оказавшись даже ниже, чем у злобного дворового пса, принадлежавшего сторожу санатория.

Фан Цзинхэ мысленно приложил к лицу ладонь. Человек проигрывает собаке, картинка с подписью «жизнь — боль».

С самого начала Юнь Мэнцзэ сохранял невозмутимость, хотя в душе лишь иронично ухмылялся. Фан Цзинхэ перевалил из эстрады в кинематограф, и его «выдающаяся» актёрская игра давно стала любимой мишенью для хейтеров и диванных критиков. Если даже рядовые обыватели морщились от его топорного наигрыша, то что говорить о профессиональном психологе? Тщательно заученная тирада официанта и десерт для влюблённых были заготовлены заранее. Никакой спонтанности, никакой искренности — лишь бездарно разыгранный спектакль.

К тому же Фан Цзинхэ всего лишь выполнял квест по его завоеванию.

Именно так: Юнь Мэнцзэ отчётливо слышал ментальный диалог между Фан Цзинхэ и его «системой». Эта способность проявилась у него ещё в средней школе. С тех самых пор в его жизни то и дело всплывали всевозможные «игроки», чьей главной задачей было заставить его

влюбиться.

Ради него они швырялись состояниями, лезли на рожон и даже притворялись душевнобольной челядью. Каждый видел в нём свой идеальный недостижимый идеал, неземную любовь всей жизни. Они страдали, стонали и рвали на себе рубахи с таким надрывом, будто без Юнь Мэнцзэ их существование теряло всякий смысл — превращалось в выдохшуюся газировку, бабл-ти без шариков тапиоки или садящийся смартфон, к которому нигде не найти зарядку.

Вот только Юнь Мэнцзэ был человеком железной выдержки — из тех кремнёвых крепышей, что спокойно дают посылке постоять в прихожей, встают ровно по первому звонку будильника и круглый год демонстрируют стальной пресс из шести кубиков. Преклонить колени перед подобными ухищрениями? Ха.

В его арсенале имелись навык распознавания лжи, слух на чужие ментальные радиоволны и абсолютный контроль над шкалой собственной симпатии. На любые выкрутасы проходимцев, пытавшихся использовать его ради своей игровой выгоды, у него найдётся управа: на каждый подкат — отворот, на каждую провокацию — хладнокровие, а на слезливое нытьё — полный игнор.

Так что, товарищ Фан Цзинхэ: твоему прошлому не повезло без меня, а вот своё будущее ты вполне можешь катиться и обустраивать сам, куда подальше.

Отмёрзнув после словесного удара, Фан Цзинхэ попытался состряпать жалобное лицо и выехать на жалости — совершить последнюю отчаянную попытку. Однако Юнь Мэнцзэ в этот момент с едва уловимой затаённой грустью всматривался в темнеющую гладь реки за окном.

— Мэнцзэ, что с тобой? Я... я чем-то расстроил тебя? — сквозь боль пробормотал Фан Цзинхэ.

Юнь Мэнцзэ медленно покачал головой:

— Нет, несколько. Просто когда ты заговорил о невских маскарадных... я вспомнил Гуньгуня.

— А что с Гуньгунем? — вырвалось у Фан Цзинхэ.

Гуньгунем зовется питомец породы рэгдолл. Хотя Фан Цзинхэ регулярнейшим образом подкупал пушистого властелина дорогими игрушками и лакомствами, в глаза он кота никогда не видел — Юнь Мэнцзэ так и не переступил через черту, не пригласив его к себе домой.

— Он умер на прошлой неделе, — с едва заметной надрывной тоской выдохнул Юнь Мэнцзэ.

Фан Цзинхэ точно молнией поразило. Вспомнив, как только что упоенно расписывал их совместное будущее, он сгорел от стыда и раскаяния. Мало того что он затронул запретную тему — он проявил чудовищную черствость! Не зная, что у любимого человека умер кот... Да какой после этого из него ухажёр для истинного кошатника?

Он недостоин. Просто недостоин!

Видя, что собеседника корчит от чувства вины, Юнь Мэнцзэ с невозмутимым видом сделал глоток кофе.

На самом деле Юнь Мэнцзэ был кошатником исключительно диванно-виртуальным. Его Гуньгунь существовал только в подборках милых видеороликов в сети и принадлежал какому-то неизвестному счастливчику. Закинуть эту удочку требовалось лишь для того, чтобы Фан Цзинхэ списал провал миссии на собственную безалаберность: пусть откажут ему, но мучиться угрызениями совести будет тоже он.

Экран смарт-браслета Юнь Мэнцзэ вспыхнул. Вызов поступил из санатория: старшая медсестра просила срочно вернуться — один из его подопечных устроил демарш.

Уловив обрывки разговора, Фан Цзинхэ глухо предложил:

— Я отвезу тебя.

Юнь Мэнцзэ поблагодарил его за заботу, но покачал головой:

— Спасибо, я на своей машине.

Делать было нечего, и Фан Цзинхэ настоял хотя бы на том, чтобы оплатить счёт. Юнь Мэнцзэ спорить не стал, снисходительно исполнив его последнее желание.

Выйдя из ресторана и сядя в машину, Юнь Мэнцзэ услышал в воздухе едва уловимое, механическое:

****[Симпатия цели упала до нуля. Миссия провалена. Запуск процедуры возврата носителя]****

Отлично. Еще один игрок отправляется на свалку истории.

Автомобиль выехал с улицы Хэпань. В зеркале заднего вида отражалась фигура Фан Цзинхэ: натянув маску, тот всё ещё стоял под тусклым светом фонаря, провожая машину взглядом. Покачивающийся под зеркалом темно-бордовый ловец снов дробил отражение на части. Юнь Мэнцзэ отвёл взгляд. Ни малейшего укола совести он не ощущал.

В его представлении любовь мало чем отличалась от кратковременного психоза: острый период проходит, и пациент возвращается в норму. А если кому-то приспичит ощутить мимолётный эйфорический всплеск, проще принять препарат, стимулирующий выработку дофамина. Тем более что все эти «завоеватели» лишь пытались использовать его в своих корыстных целях. С какой стати он должен идти у них на поводу?

Полчаса спустя машина въехала на мост. Впереди замаячил футуристический силуэт главного корпуса санатория, отдалённо напоминающий гигантскую шиповатую корку дуриана.

Психиатрический санаторий Синду располагался на искусственном острове — вернее, весь этот остров и представлял собой единый комплекс. Помимо административно-лечебных зданий, здесь обустроили четыре жилых сектора и развитую инфраструктуру. Остров утопал в тишине и пышной зелени, казавшись настоящим оазисом, укрытым от мирской суеты. Ведущие специалисты страны в сочетании с передовым оборудованием превратили санаторий в первоклассную здравницу и один из лучших медицинских центров.

Едва Юнь Мэнцзэ миновал КПП, как Дахуан, беспородный пес местного сторожа, залился хриплым, грозным лаем. Ландшафт острова изобилдовал густыми кедровыми и пихтовыми рощами, куда пациенты периодически сбегали сыграть в «выживание в дикой природе». И пусть Дахуан был обыкновеннейшей дворовой собакой без грамма дрессуры, он всякий раз безошибочно находил беглецов в чаще, за что снискал славу крайне надёжного сотрудника.

Юнь Мэнцзэ приветливо взмахнул ему рукой, заехал на парковку и, оставив машину, поднялся в главный корпус. Возле стойки медсестёр вовсю шептались дежурные:

— Я видела его днём! Слухи ничуть не врут!

— А что, он настолько жуткий, когда буйствует?

— Да нет же! Выглядит вполне адекватно. Я о том, что он нереальный красавец!

— Послушайте, а правда, что за время его лечения трое врачей по уши влюбились в него и с позором подали в отставку?

— Кто знает! Эх, я бы тоже не отказалась за ним ухаживать, хи-хи...

Юнь Мэнцзэ мимоходом поинтересовался:

— О ком это вы?

— Доктор Юнь! — одна из медсестёр восторженно воскликнула. — Да о том новеньком VIP-пациенте! Настоящая легенда среди психопатов: созванный ради него консилиум из нейрохирургов, неврологов и психиатров зашёл в тупик, а сам он довёл до белого каления четырех психотерапевтов и пять светил психиатрии!

Несколько дней назад в центр действительно поступил новый больной. О нём ходило множество слухов, и, судя по всему, случай был настолько тяжёлым, что лучшие специалисты лишь разводили руками.

На завтрашней утренней планерке главврач должен был решить, кому из лечащих врачей передать этот «орешек». Судя по внушительному списку его «жертв», любой, кто сумеет добиться хоть какого-то прогресса в лечении, мгновенно завоевал бы непререкаемый авторитет в профессиональном сообществе. Однако большинство врачей считали его ходячей головной

болью и крестились, лишь бы сия чаша их миновала.

— Доктор Юнь, а вы не хотите попробовать? — с надеждой спросила медсестра.

В конце концов, именно Юнь Мэнцзэ удерживал абсолютный рекорд по числу выздоровевших пациентов во всей санатории.

На попечении Юнь Мэнцзэ и без того хватало непростых случаев, и брать нового подопечного — да ещё и «грозу психиатров» — у него не было ни малейшего желания.

Не успел он ответить, как чей-то властный, бархатистый голос ледяным душем остудил пыл сплетниц:

— Это пост медсестёр или бюро ритуальных услуг и сплетен? Делать больше нечего? А ну-ка живо разошлись по рабочим местам!

Завидев старшую медсестру, девчонки мгновенно разлетелись кто куда.

— Сестра Сяонань, уже поужинала? — добродушно улыбнулся Юнь Мэнцзэ.

— Не успела. Угощаешь? — на привлекательном лице Чжу Сяонань крупными буквами было написано «я завалена работой по горло». Она наградила Юнь Мэнцзэ сдержанным подшучивающим взглядом и добавила: — Сун Луоина поймали. Сегодня дежурит доктор Гао, так что иди быстрее, пока он снова не раздул из этого трагедию.

Охрана во время обхода засекала пациента, который прятался в саду и упорно не желал возвращаться в палату. При попытке препроводить его в корпус тот устроил истерику, так что пришлось вызывать дежурного врача — Гао Шианя. Однако больной категорически отказался идти на контакт и сиганул на дерево.

— Спасибо! Как освобожусь — с меня обед, — отозвался Юнь Мэнцзэ.

Чжу Сяонань досадливо отмахнулась, выгоняя его: на неё фирменное обаяние доктора Юня давно не действовало.

Прихватив медицинский халат, Юнь Мэнцзэ вышел из главного корпуса. Проходя через внутренний дворик, он случайно заметил силуэт человека, сидевшего на скамейке под раскидистым деревом.

Смеркалось. Скамейка находилась на самой границе светового пятна от фонаря, так что Юнь Мэнцзэ различал лишь темные очертания. Сделав пару шагов ближе, он разглядел строгую рубашку и брюки.

— Уже поздно. Почему вы не в своей палате? — поинтересовался он.

Главный врач делал всё возможное, чтобы пациенты чувствовали себя раскрепощенно и непринужденно. Строгих рамок не было: им разрешалось носить любую одежду по собственному вкусу. Обязательную форму носил только персонал санатория и охрана, чтобы их можно было легко распознать.

Спустя пару секунд молчания незнакомец неторопливо отозвался:

— Как и ты.

Юнь Мэнцзэ опустил взгляд на белоснежный халат, брошенный поверх одежды. И в каком же месте он смахивает на товарища по несчастью?

<http://bllate.org/book/20119/1991960>